

Государственный

МУЗЕЙ
ВОСТОКА

Виктор Пивоваров

ЛИСЫ И ПРАЗДНИКИ

Viktor Pivovarov

FOXES AND FEASTS

Государственный музей Востока
2015

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей Востока
Посольство Чешской Республики в Российской Федерации
Чешский культурный центр в Москве

Рекомендовано к печати Редакционно-издательским советом Государственного музея Востока

Виктор Пивоваров. Лисы и праздники
Выставка в Государственном музее Востока, Москва, 5–25 июня 2015 г.

Куратор выставки:
Диана Фармаковская

Дизайн выставки:
Виктор Пивоваров, Лариса Рапопорт

Дизайн и верстка каталога:
Виктор Пивоваров, Андрей Кондаков

Английский перевод:
Диана Фармаковская

Редактор английского текста:
Дан Хазанкин

Корректор русского текста:
Светлана Лапина

Содержание

Диана Фармаковская — Виктор Пивоваров <i>О лисах, праздниках, страхах и сомнениях</i>	4
Diana Farmakovsky — Victor Pivovarov <i>On Foxes, Feasts, Fears and Doubts</i>	11
Виктор Пивоваров <i>Лисы и праздники</i>	16
Viktor Pivovarov <i>Foxes and Feasts</i>	16
<i>Сутра страхов и сомнений</i> <i>Sutra of Fears and Doubts</i>	48
	48

Виктор Пивоваров. Лисы и праздники. М.: ГМВ, 2015 – 72 с.; ил.

Виктор Пивоваров — известный художник-концептуалист и книжный иллюстратор, наряду с И. Кабаковым, А. Монастырским, Э. Булатовым, Д. Приговым прославивший так называемую Московскую концептуальную школу на весь мир. Выставка «Лисы и праздники» в Государственном музее Востока объединяет несколько серий художника, впервые совмещенных в «восточном» контексте. Альбом «Лисы и праздники» представляет собой игровую мистификацию о культе народа, проживающего на территории Еврейской автономной области. Десятиметровая «Сутра страхов и сомнений» дополняет эту мистификацию. Каталог выставки включает в себя вступительную беседу куратора выставки и художника, в которой из первых уст дана семантика образа лисы и многих других мотивов в творчестве Виктора Пивоварова.

В репродукциях и подписях к ним сохранена авторская орфография, пунктуация и стилистика.

Автор каталога выражает признательность за помощь в подготовке выставки Виталию Пацюкову (ГЦСИ), Фонду культуры «Екатерина», Чешскому культурному центру и посольству Чешской Республики в Российской Федерации.

ISBN 978-5-903417-83-4

© Государственный музей Востока, 2015
© Виктор Пивоваров

Диана Фармаковская — Виктор Пивоваров

О ЛИСАХ, ПРАЗДНИКАХ, СТРАХАХ И СОМНЕНИЯХ

Д.Ф.: С какого момента лисы появились в ваших картинах, а лиса начала интересоваться как образ женщины-оборотня, носительницы любви, в прямом или мистическом смысле?

В.П.: Я постараюсь погрузиться в память и нащупать первое воспоминание о лисе вообще. Мое раннее детство проходило во время войны в эвакуации в глухой татарской деревне. Мы ехали три дня на лошадях до этой деревни от железнодорожной станции. Маму там взяли на работу, требовавшую особой добросовестности, — привозить и продавать хлеб по карточкам. До нее продавцы воровали хлеб, а поскольку с первого взгляда было ясно, что мама — кристально честный человек, ей и поручили эту ответственную работу. Хлеб привозили из соседнего поселка, и я иногда ездил с ней забирать его. И вот однажды зимой мы везли хлеб на санях. Посреди заснеженной равнины

запах хлеба распространялся на десятки километров, и за нашими санями бежала лиса. Хотя это воспоминание очень смутное, я был очень мал, но оно где-то очень глубоко в сознании осталось, и через много лет этот образ зимы, заснеженной равнины и рыжей лисицы, бегущей по снегу, появился в моих картинах «Лиса в заснеженном городе», «Малевич в снегу», в цикле «Зимний путь», во множестве рисунков. Можно сказать, что он стал для меня образом России вообще.

Почему лиса приобрела еще и эротические коннотации, мне объяснить сложнее. Впервые девушки с лисьими хвостами появились на одном моем рисунке, который был парафразой картины Арнольда Бёклина. У Бёклина эти девушки ничего лисьего не имели, нижняя часть их тел напоминала пушистых цыплят. Возможно, сыграло роль звучание самого слова: лиса, лисонька, Лизонька. Да и в русских сказках лиса почти всегда женский образ.

Позднее, когда альбом «Лисы и праздники» уже был готов, я прочел роман Виктора Пелевина «Священная книга оборотня», в котором образ девушки-лисы оказался мне очень близким.

Д.Ф.: На Дальнем Востоке образ лисы универсален, несмотря на определенные различия между культурами и религиозными культами Китая, Японии и Кореи, и носит те же черты, которыми вы неосознанно наделили ваших лис. Не кажется ли вам, что это была некая художественная память, которая существовала в вас, потому что вы художник?

Поцелуй лисички. Из серии «Зимний путь». 1987.
Уголь, бумага
«Kiss of the Fox» from the «Winter Journey» series. 1987.
Coal, paper

В.П.: Я убежден, что глубинная память существует, но слова «художественная память» звучат так, будто у художника есть еще какая-то особая память об искусстве других времен и народов. Об искусстве памяти нет, но об образах, которые Юнг называл архетипами, — да, эта память существует. Эту глубинную память мы часто называем интуицией.

Д.Ф.: Интересно, что изображение лис в альбоме иконографично. У них раскрыты глаза, они написаны в основном фронтально. В то время как более ранние лисы в ваших работах — с закрытыми глазами, как та лисичка, которая целует Сталина.

В.П.: Поскольку речь идет о святых лисах, необходимо было их изобразить способом, подобным тому, как изображают святых. А святых изображают в соответствии с канонами. В каноне, например, плоскость картины или фрески понимается иерархически: верхняя часть семантически понимается как небо, как нечто высшее, наиболее духовное, нижняя часть — наоборот, как место падения, темная зона, царство мертвых. Центральная часть — это место, где находится человек, он между высшим и низшим, между добром и злом. Каноническое изображение человека, животного, дома и на египетских росписях, и в византийской иконе всегда развернуто, оно должно читаться ясно и полностью, не может быть в ракурсе. И особое внимание по понятным причинам в таких изображениях уделяется глазам. По отношению к пропорциям лица они, как правило, увеличены, всегда открыты и направлены на зрителя.

Д.Ф.: Какая идея дала импульс к созданию альбома?

Заснеженный город. 2001.
Масло, холст на оргалите
Snowy City. 2001.
Oil, canvas on hardboard

В.П.: Первоначальный импульс был не совсем обычным. Сначала возникло название «Лисы и праздники». Возникло, как внезапная вспышка! И название потянуло все остальное. Альбому предшествовала серия картин, от которых осталось много подготовительных рисунков. Хотелось их как-то использовать, и я подумал, что можно сделать из них альбом.

Д.Ф.: Раз уж «Лисы и праздники» стали воплощением культа фантастического народа, интересно узнать, встречали ли вы в своей жизни людей, которые теоретически могли быть представителями этого народа? Например, вы много пишете о вашем друге — еврейском поэте Овсее Дризе.

В.П.: Конечно, Овсей Овсеевич — первое имя, возникающее в связи с Детями

Облаков. Безусловно, он мог бы быть почетным гостем на празднике Мимолетности. Игривость не была ему чужда, однако Дриз — прежде всего поэт печали. Тысячелетней еврейской печали. А у героев «Лис и праздников» философия не печальная, она радостная. Насколько я могу судить по реакциям зрителей, они воспринимают всю эту жизнь с некоторой завистью. В описании праздников главное — это счастье. К сожалению, я в своей жизни почти не встречал людей, которые излучают счастье. Впрочем, по меньшей мере одного такого человека я знаю. Он живет в Праге, еще совсем не стар, и он не еврей, и не китаец, он чех. Его имя — Франтишек Скала. Он живописец, скульптор, иллюстратор, поэт, актер, музыкант, певец, танцор, мастер кукольного театра, дизайнер, архитектор...

Поцелуй. 2005.
Цветная бумага, акварель, цветной карандаш
The Kiss. 2005.
Colored paper, watercolor, color pencil

Франтишек для меня — редчайший случай абсолютно гармоничного существования. Во всем — в личной жизни, в отношениях с женой, с детьми, с природой, с социальным пространством, с творчеством — во всем невероятная легкость и счастье. И излучение этого счастья вовне. Конечно же, он мог бы быть персонажем альбома «Лисы и праздники»!

Д. Ф.: Это очень интересно, ведь зритель понимает, что реальные жители Еврейской автономной области не могли быть столь беззаботны и блаженны. Речь ведь идет, скорее, о некоей параллельной реальности.

В. П.: Вы правы, эта параллельная реальность связана с одним чисто культурно-метафизическим аспектом. Мое поколение было, прежде всего, ориентировано на Запад. Мир за железным занавесом воспринимался как место свободы,

человечности и культуры. Все позитивное было трансцендировано в сторону Запада. В перестройку люди обрели возможность путешествовать, Запад стал реальным, и оказалось, что он вовсе не идеален. Но поскольку свято место пусто не бывает, эта потребность в трансцендентном переместилась на Восток. И Китай, который был наглухо закрыт, о котором мы знали только то, что в дремучей древности там жил Лао-цзы, оказался для этой цели на короткое время идеальным местом. Область, где живут поклонники облаков, и вовсе находится «между». Не только между религиями: даосско-тантристской, иудейской и православной, но и географически «между». Это самая подходящая точка для празднования Раздвоенного и Единого. Хотя станция Тихонькая, упоминаемая в альбоме, существовала в реальности.

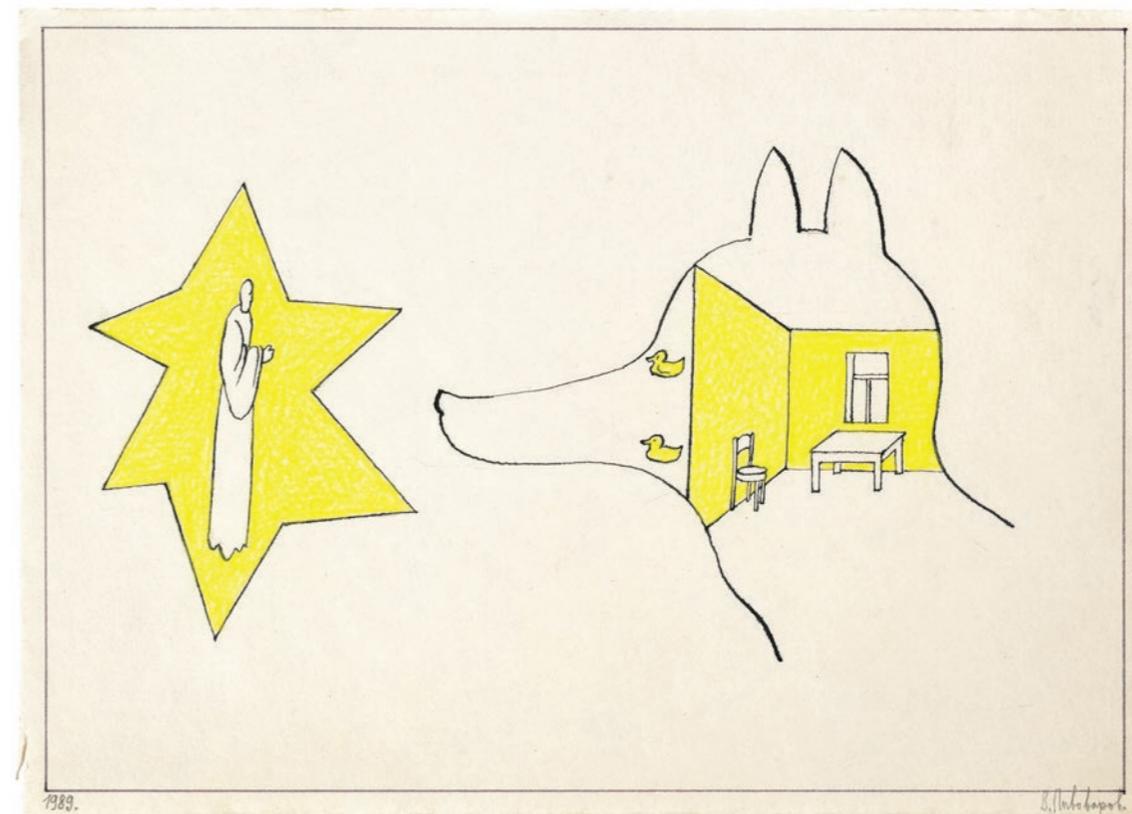
Д. Ф.: В одном из эссе вы писали о том, что альбомы Московской концептуальной

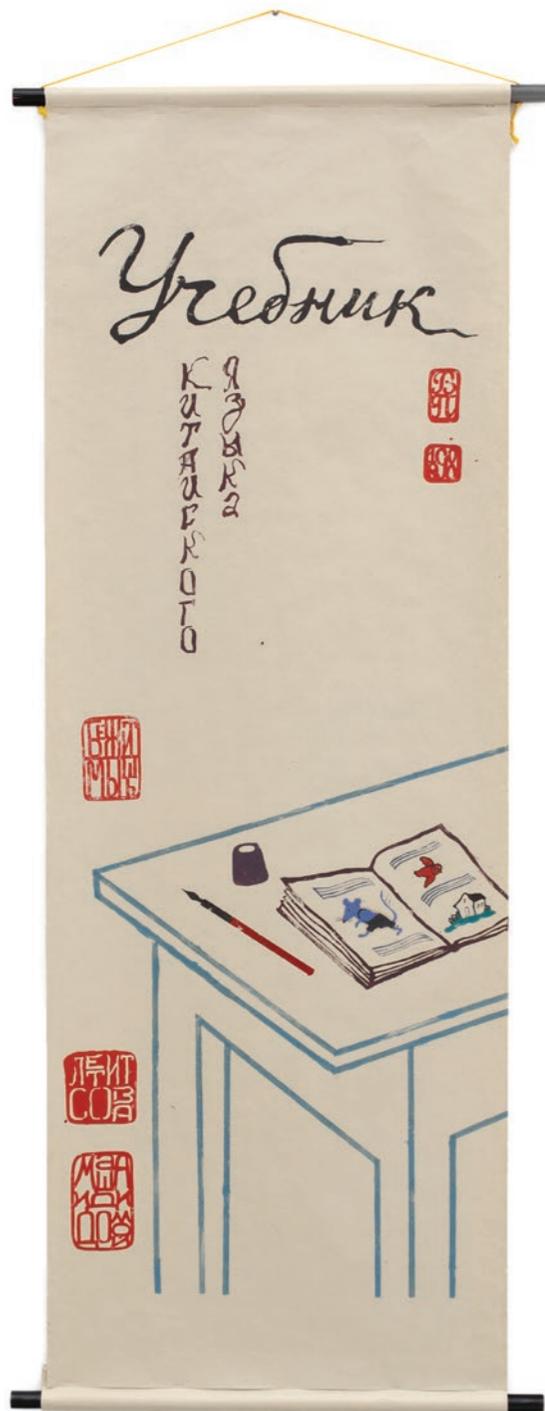
школы не предназначались для экспонирования на выставке. Что они должны были просматриваться в узком кругу из четырех, пяти человек, и эта домашняя обстановка, посторонний шум — например, свист кипятильника, время между перелистыванием страниц — становились частью этого опыта. Альбом «Лисы и праздники» как более поздняя работа изначально создавался для выставочного пространства?

В. П.: «Лисы и праздники» — современная вещь и действительно рассчитана на

выставочное пространство. И я не стал бы слишком привязывать ее к советскому прошлому, которое сейчас повсеместно вспоминается с ностальгией. Да, в самом альбоме есть отсылки к той атмосфере праздников в Советском Союзе, когда интимные, семейные связи были наиболее драгоценным явлением жизни. В условиях, когда внешнее существование человека представляло собой опасность на каждом шагу, единственное место, где можно было скрыться, было внутреннее пространство дома, дружеского круга, семьи.

Монах и лиса. 1989.
Бумага, тушь, цветной карандаш
Monk and Fox. 1989.
Paper, Indian ink, color pencil

Учебник китайского языка.
Свиток из серии «Урок китайского». 1998.
Цветная монотипия на бумаге
“Chinese Textbook”,
scroll from Chinese Lesson series. 1998.
Color monotype on paper

Д.Ф.: Как появилась идея сделать 10-метровую «Сутру страхов и сомнений»? Очевидно, что страх и сомнения как категории бытия породили философию.

В.П.: Импульс шел из нескольких источников. Во-первых, интригующей была сама форма свитка. Насколько я знаю, никто из современных художников такие длинные свитки не делал, и уже одно это было соблазнительно. Однажды я эту форму уже использовал в серии «Урок китайского», так что это было не первое мое обращение к форме свитка. Второй источник достаточно забавен. В одном из номеров [немецкой] газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг» был напечатан огромный список фобий, опубликованный в рамках некоей психологическо-просветительской работы. Меня интересовал феномен фобии с психологической точки зрения. И наконец, третье — мне хотелось, пусть в рамках искусства, в рамках метафизической игры, создать сакральный предмет.

Д.Ф.: В «Сутре страхов и сомнений» появляется персонаж по имени монах Рабинович. Он спиной к зрителю, вверх ногами повис в воздухе прямо над колесом Сансары. И там он еще совсем юн, надо сказать. Кто же он?

В.П.: Монах Рабинович, конечно же, образ, представляющий alter ego автора. Это персонаж, каким хотел бы быть я сам, но по каким-то причинам таким быть не могу. Поэтому я наделил его качествами, которые мне недоступны. Например, тем, что он никогда никому ни в чем не отказывает. Но главное — он осуществляет программу так называемого сознательного одиночества,

которая высказана мной в самом начале моей художественной работы в «Проектах для одинокого человека». Я сам эту программу осуществить не смог. У меня жена, которую я люблю, дети, семья, я люблю своих друзей, я вообще с трудом представляю, выдержал бы я одиночество. А монах Рабинович проходит те четыре этапа одиночества, которые предписаны в «Проектах для одинокого человека». Это герой, который живет правильно, я им восхищаюсь и беседую с ним в опубликованных письмах.

Д.Ф.: И на каком он этапе, как вы считаете? Он уже бодхисаттвы или еще на пути к этому?

В.П.: Я не могу этого знать, поскольку я человек из этого мира. Если бы я был высшим существом, бодхисаттвой, я бы знал ответ. Но я обычный человек, который с восторгом смотрит на него как бы снизу, и я вижу, что он поднимается по этой лестнице, но на каком он этапе, я сказать не могу. Я в своей жизни, между прочим, встретил настоящего просветленного человека. Это был Далай-лама. Вы ведь знаете, он воплощает эманацию Авалоки-тешвары — Бодхисаттвы сострадания. Это не была личная встреча, но беседа и совместная медитация в очень небольшом кругу. Он тогда впервые приехал в Прагу. Это было очень волнующее событие. Я не мог заснуть всю ночь после этой встречи. К слову, непонятно, к какой конфессии принадлежит монах Рабинович. Он ведь не обязательно буддист. Может, он христианский монах?.. То некоторое облако таинственности, которое его окружает, означает только одно: светский человек, живущий обычной жизнью,

Хвост. Свиток из серии «Урок китайского». 1998.
Цветная монотипия на бумаге
“Tail”, scroll from Chinese Lesson series. 1998.
Color monotype on paper

о высших существованиях, о которых идет речь, может только приблизительно догадываться. Я очень чувствителен к спекуляциям на разные духовные темы, и они меня страшно возмущают. И сам стараюсь быть крайне осторожным, всегда осознаю собственное несовершенство и человеческую ограниченность. Поэтому при интерпретации образа монаха Рабиновича я оставляю пространство неясности и открытости.

Д.Ф.: Расскажите, пожалуйста, об эйдосах и метафизических лисах.

В.П.: Понятие «эйдос» заимствовано из платоновской философии, но дело в том, что никто не может дать точное определение этому слову. У Платона понятие «эйдос» встречается два-три раза и до конца не раскрыто. В любом случае «эйдос» близок по смыслу понятию «идея». Поскольку это тот случай, когда интерпретатор имеет возможность дать собственное истолкование, я решил этим воспользоваться. Я понимаю эйдос как проект вещи до вещи. До появления конкретной утки, стула, стола существует проект этой утки и этого стола. Как чертеж, концепция, идея.

Д.Ф.: В серии картин «Эйдосы», кстати, лисы тоже появляются. Некоторые геометрические, один лис сидит на руках у эйдоса.

В.П.: Это не лис. Это существо невозможно идентифицировать, оно, как и эйдосы, безлично. Эйдосы ведь существа, которые свободны от индивидуального лица, пола, своего эго. И то же самое можно сказать об эйдотических животных: мы не можем определить, кто это — собака,

леонардовский горностаи или лисенок. Единственное осязаемое качество этого существа — нежность. Недаром упоминаемая вами картина называется «Умиление».

Д.Ф.: Образ комнаты — важный образ в вашем творчестве. Вот и на рисунке, где лиса встречается с монахом Рабиновичем, присутствует проекция комнаты внутри контура лисы.

В.П.: Недавно я прочел книгу разговоров Михаила Эпштейна с Ильей Кабаковым, которая называется «Каталог». В этой книге Илья рассказывает о своем бездомном детстве: он жил в интернатах и общежитиях, где у него ничего не было своего. Полотенце, тапочки, трусы — все было общее. Эти пронзительные воспоминания, эти детские травмы во многом объясняют характер последующего творчества Кабакова. При том, что по убогости и жалкости детство у нас было похожее, была между нашими детствами принципиальная разница — у нас с мамой была своя комната! Маленькая, восемь с половиной метров, но своя. В этой комнате был стол, диван, книжная полочка, шкаф. И у меня было свое окно, в которое можно было смотреть и видеть вечерний город и небо над ним. Это было огромное счастье — иметь свою нору, интимное пространство, куда можно спрятаться от внешнего опасного мира, который нас окружал. А у Ильи такого пространства не было, он был совершенно незащищен. Эта, казалось бы, незначительная деталь определила наше — во многом диаметрально противоположное — восприятие и понимание жизни. Образ комнаты, который проходит через все мое творчество, — это образ внутреннего

пространства, пространства души. Недаром интерьер означает «внутреннее».

Д.Ф.: Один из критиков писал о вашей картине «Малевич в снегу», что, разместив на лице Малевича лису — коварную и хитрую, — вы ставите под сомнение иконичность фигуры художника для всего русского авангарда. С другой стороны, во «Влюбленном агенте» вы пишете много о том, как восхищаетесь Малевичем. Возвращаясь к этой картине, о взаимосвязи лисы и снега вы рассказали. Но почему Малевич в снегу и с лисой?

В.П.: Может быть, снег на голове и плечах Малевича связан с теплотой. Ведь этот сугробик на его голове выглядит так, будто он подтаивает. Малевич тут как генератор тепла, недаром у него шапка такого жаркого красного цвета. В действительности

Малевич, похоже, особым теплом ни как человек, ни как художник не обладал. Говорю об этом осторожно, оставляя возможность для других интерпретаций, но может быть, в картине «Малевич в снегу» идет речь о восстановлении полноты огромной художественной личности Малевича. В этом смысле и лиса, закрывающая ему часть лица, работает на эту интерпретацию. Получается, что Малевич обладает двойным зрением, то есть дополнительным, более сложным видением вещей. Малевич — в жизни и творчестве абстрактный мыслитель и метафизик — наделяется тут человеческим теплом и природным, «звериным», комплексным видением. Так что я ни в коей мере не ставлю под сомнение иконичность его фигуры, а, наоборот, наполняю эту иконичность тем, чего в ней не хватало. Иными словами, «Малевич в снегу» — это мечта об идеальном художнике.

Малевич в снегу. 1997.
Холст, масло
Malevich in Snow. 1997.
Oil on canvas

Коллекция Екатерины и Владимира Семенихиных

ON FOXES, FEASTS, FEARS AND DOUBTS

D.F. At what point did you conceptualize foxes as werewolf women and bearers of love? How did they appear in your works?

V.P. I will try to recall my earliest memory of the fox in general. During the war, when I was a kid, we were evacuated to a remote village in Tatarstan. It took us virtually three days to get to the village by horse from the railway station. My mom was assigned an important job which required utmost integrity — to sell bread by ration cards. Before, sellers had been known to steal bread, and she was an incredibly honest person, it was evident at once. Bread was delivered from the nearest township, and sometimes I accompanied her on the way to pick it up. One day we were returning to the village on a sleigh, and the smell of freshly baked bread spread over the snowy valley for dozens of kilometers. A fox was running after our sleigh. The memory is vague, as I was yet too little, but it has remained deep in my mind, and the image of winter and a red fox running

across a valley in the snow has later showed up in my works, including the paintings *The Fox in the Snowy City*, *Malevich in Snow* and a number of drawings. One can say it has become the general symbol of Russia for me.

It's more difficult to say why the fox has acquired erotic connotations. It started with two girls with fox tails in one of my drawings which paraphrased a painting by Arnold Böcklin. The original Böcklin girls did not have any foxy features, their legs and feet reminded rather of fluffy chicken. Probably, it's because of the way "fox" sounds in Russian — "li-sa, Lisa", it's very feminine. In Russian fairy tales foxes nearly always appear as female characters. Later, when the album *Foxes and Feasts* was completed, I read the novel *The Sacred Book of the Werewolf* by Victor Pelevin where a similar female fox is the central character.

D.F. The image of the fox is universal for all the diverse cultures of the East, including China, Korea and Japan. And subconsciously

your foxes have taken the same features. Isn't it because you as an artist have a sort of artistic memory?

V.P. I am convinced that yes, there is some deeper memory. However "artistic memory" sounds as if I had some special memory about the art of other civilizations and peoples. There is no memory of art, but there is a memory of images, defined by Carl Gustav Jung as archetypes, yes, definitely. This deeper memory is often called intuition.

D.F. It's interesting that the album presents foxes in an iconographic way. Their eyes are wide open, they are facing the viewer. Meanwhile, foxes in your earlier works mostly have their eyes shut, like the one kissing Stalin. You've also described your approach to still life paintings as frontal — is there a connection?

V.P. It's the holy foxes we are talking about, so it was necessary to depict them like the saints are depicted, in accordance with the canon. The canon, for example, ascribes a hierarchy to the surface of the painting or the fresco. The top is understood as the heaven, the most spiritual part; the bottom part is the place of the lapse from virtue, the dark area, the world of the dead. Then, the center is where the human is — between the high and the low, good and evil. People, animals, houses on different kinds of sacral images are depicted frontal, without perspective — be it an Egyptian wall painting or a Byzantine icon. Needless to say, these images lay a special emphasis on eyes which are commonly enlarged and always open towards the viewer.

D.F. What was the initial impulse behind the Foxes and Feasts album?

V.P. The original impulse was quite peculiar. First, the title *Foxes and Feasts* came as a sudden flash. And the title evoked all the rest. Prior to the album, I had made a series of paintings, and lots of sketches remained. I wanted to use them somehow, so I thought it might be a good idea to make an album.

D.F. The album Foxes and Feasts portrays a cult of a fictional nation. Have you ever met people who, theoretically, could belong to it? For instance, you often recall your friend, a Jewish poet Ovsei Driz.

V.P. Of course, Ovsei Ovseyevich is the first person coming to mind in connection with the *Children of Clouds*. He could have definitely been an honored guest on the Day of Transiency. He was not averse to playfulness; however, Driz is a poet of sadness, first and foremost, of the millennial Jewish sadness. As for the characters of *Foxes and Feasts*, they are not sad, their life and outlook are joyful. It's my impression that spectators look at them with a bit of envy. Happiness is the key element in the holidays' depiction. Unfortunately, I have almost never met people who radiate happiness.

However, there is at least one such person I know. He lives in Prague, he's not old yet, he's not Jewish, and not Chinese, he is Czech. His name is František Skála. He is a painter, sculptor, poet, actor, musician, dancer, puppet master, designer, architect... To me, František is a rare example of harmonious life. Whatever he deals with — his personal life, relationships with his wife, kids, nature, with the social environment, with creativity — there's always this incredible easiness and joy. And he radiates this happiness. He surely could have been a character of the album *Foxes and Feasts*!

D.F. The spectator naturally understands that the real habitants of the Jewish Autonomous Oblast weren't probably so careless and blissful. It's rather an alternate reality, isn't it?

V.P. You are right: this alternate reality is related to a certain cultural and metaphysical aspect of our life. My generation was, first of all, oriented towards the West. The world beyond the iron curtain was perceived as a place of freedom, humanism and culture. Everything positive was transcended to the West. Perestroika made it possible to travel, and the West became a reality. It turned out to be not ideal at all. Yet, nature abhors a vacuum, so the call for the transcendent shifted its focus to the East. For a short time, China seemed ideal for the role, simply because it was totally isolated. We only knew that once, in some ancient days of yore, Laozi lived there. As for the area inhabited by the adorers of clouds, its location is "in between".

Лиса в заснеженном городе. 2005.
Цветная бумага, тушь, цветной карандаш, белила
Fox in the Snowy City. 2005.
Colored paper, Indian ink, color pencil, whitewash

Not only between religions, including Taoism, Tantrism, Judaism and Orthodox Christianity, but also "in between" geographically. It's the best place to celebrate the Dualized and the Single. The Tikhonkaya Station, mentioned in the album, really existed, though.

D.F. In one of your essays you've emphasized that albums of the Moscow conceptualist movement were not made for exhibitions. They were to be displayed at home in a close circle of four-five people, and the environment, the ambient sounds, the time necessary to turn over pages became part of this experience. But Foxes and Feasts is a later album, was it meant for exhibition?

V.P. Foxes and Feasts is a contemporary work and definitely made for an exhibition environment. I wouldn't really link it to the Soviet past which is widely remembered with nostalgia these days. Yet, in some parts of the album you can find references to those holidays that were celebrated in the Soviet Union when intimate family relations were the most precious aspect of life. When the outer world was full of danger, the only place where you could hide was the internal space of home, in a circle of friends, in your family.

D.F. How did the idea of creating the 10-meter Sutra of Fears and Doubts emerge?

V.P. There were multiple sources of inspiration. Firstly, the form of the scroll itself was intriguing. As far as I know, no one in contemporary art had made such a long scroll before, and this appealed to me. I had used this form once in the series Chinese Lesson, so it wasn't my first experience. The second reason is rather amusing. One of the issues of Frankfurter Allgemeine Zeitung newspaper

Праздничный стол. Из цикла «Квартира 22». 1992–1995.
Эмаль, оргалит
Festive Table, from the cycle Apartment 22. 1992–1995.
Enamel, hardboard

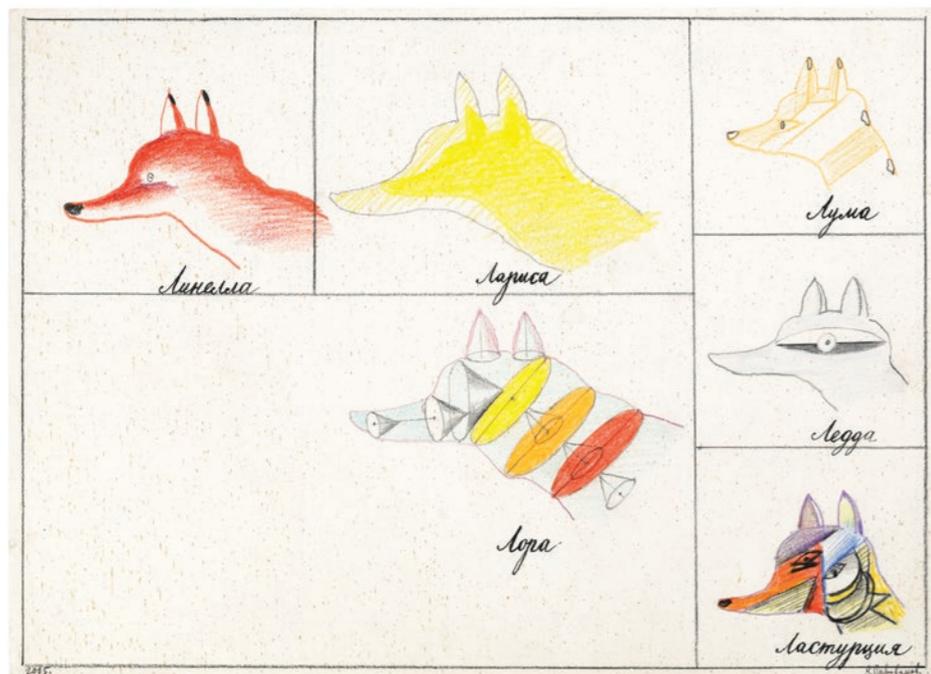
included a long list of phobias published as part of some psychological educational program. I got interested in the phenomena of phobias from the psychological point of view. Thirdly and finally, I wanted to create a sacral object, be it within art and within a certain metaphysical game.

D.F. In the Sutra of Fears and Doubts we see this character named monk Rabinovich. He's shown with his back to the viewer, floating upside down above the Samsara wheel. He's quite young there, one must say. Who is he?

V.P. Monk Rabinovich is obviously the alter ego of the artist. This character is who I'd like to be but can't for some reason. So I gave him qualities that I don't have. For example, he never turns anyone down. More importantly, he implements the so-called program of conscious solitude which I announced in the Project for a Lonely Man in the very beginning of my artistic career. I haven't been able to implement this program myself. I am married, I love my kids, my family, my friends, and it's hard for me to imagine myself alone. But monk Rabinovich goes through those four stages listed in the Project. This character lives a proper life and I admire him for that. We chat in imaginary letters which have been published.

D.F. On what stage is he now, what do you think? Is he already a Bodhisattva or only on his way to enlightenment?

V.P. I cannot say for sure because I am a man of this world. If I were a holy creature, a Bodhisattva myself, I would know the answer. But I am just a man who looks at the monk as if from below, and I see that he's going up, but I don't know on what stage he is. By the way, I met a real enlightened person once, the Dalai Lama. You know that he's the embodiment of the Avalokitesvara emanation, the Bodhisattva of compassion. It wasn't a private meeting, but a conversation and meditation in a small circle. It was his first visit to Prague. It was a very exciting experience. I could not sleep all night after the meeting. By the way, it's not clear what denomination monk Rabinovich belongs to. He's not necessarily a Buddhist monk. Orthodox maybe? This cloud of mystery around him means only one thing: a worldly man living an ordinary life can only guess about the higher existence. I am very sensitive to speculation

Имена. 2005.
Цветной карандаш, тушь, бумага
Names. 2005.
Color pencil, Indian ink, paper

on spiritual topics, they vex me deeply. I try to be very careful myself, always admit my imperfection and human limitations. So when interpreting monk Rabinovich, I leave space for uncertainty and openness.

D.F. Tell us about your eidos figures and metaphysical foxes.

V.P. The term eidos comes from Plato's philosophy, but in fact no one can give it a precise definition. Plato does not fully interpret it and only mentions it two or three times. In general, eidos is close to the word "idea". It's a case when the interpreter can give its own interpretation, just as I have done. I understand eidos as the project of the thing prior to the thing. Before a specific duck, table or chair appeared, there was its project. Like a sketch, a concept, an idea.

D.F. In the Eidos series of paintings we also see foxes. Some of them are cubist, one of them is in the hands of an eidos figure.

V.P. That's not a fox. You cannot identify it, it's impersonal as eidos figures are. They are creatures free of any individuality, of any face, sex, ego. We don't know whether it's a dog or an ermine from Leonardo's painting. Or is it a fox? The only sensible quality of this creature is tenderness. No wonder the painting you mentioned is called "Tenderness".

D.F. You often depict a room in your works. And now we find it in the drawing where monk Rabinovich meets a fox. The room is inside the outline of the fox.

V.P. Recently I read a conversation between Mikhail Epstein and Ilya Kabakov in the book

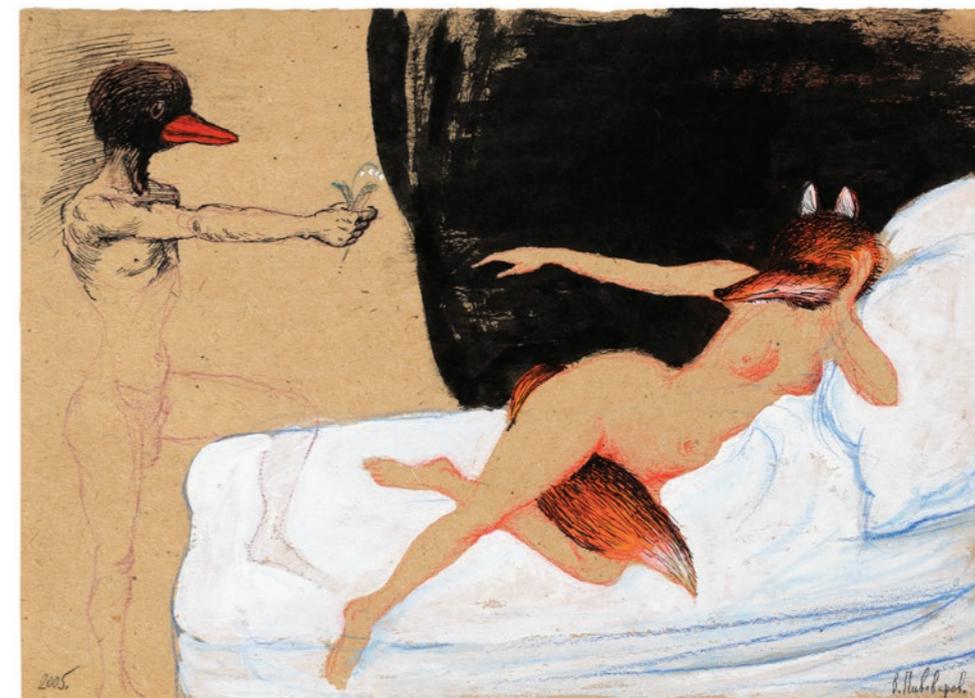
Catalog. In this book, Ilya tells about his childhood as an orphan. He lived in orphanages and hostels; he had nothing of his own. Everything was public — towels, slippers, underwear. These touching memories of this childhood trauma in many ways explain his creative language. Our childhood was similar in terms of poverty and misery, yet there was a huge difference in the conditions we grew up in — me and my mom had a separate room! It was small, 8.5 meters, but it was ours. There was a table, a chair, a bookshelf and a wardrobe in that room. I had a window that I could look through and see the evening city and the sky above. And Ilya didn't have any of that. He was totally exposed. This seemingly minor

detail has defined our diverse perception and understanding of life. This image of the room runs throughout my creative life and means the interior space, the space of the soul.

D.F. One critic reflected on your painting Malevich in Snow that you question the iconic status of Malevich for Russian art by placing a fox — the symbol of craftiness — on the artist's face. On the other hand, in your book "Agent in Love" you write about your admiration of Malevich. So now we know why the fox appears in snow. But why is Malevich there?

V.P. It might be that the snow on Malevich's shoulders means warmth. This little snowdrift

Ландыши для лисы. 2005.
Цветная бумага, тушь, цветной карандаш, акварель, белла
Lily of the Valley for the Fox, 2005.
Colored paper, Indian ink, color pencil, watercolor, whitewash

on his head looks as if it were melting. Malevich is the heat generator. No wonder his hat is of such a hot red color. In reality it seems that Malevich wasn't warm either as an artist, or as a human. I'm saying it carefully, leaving space for other interpretations, but maybe this painting Malevich in Snow addresses reconstruction of his great artistic personality in its fullness. In this case, the fox partly covering his face makes for that

interpretation, too. Malevich thus appears to have double vision, an additional and more complex vision of things. Malevich is an abstract thinker and a metaphysician, but here he is endowed with human warmth and a natural complex "animalistic" vision of things. So I am not questioning the iconic status of Malevich, but I rather add to it what was missing. In other words, Malevich in Snow is a dream of a perfect artist.

Виктор Пивоваров

**ЛИСЫ
И
ПРАЗДНИКИ**

2005

В конце 1920-х годов по указанию Сталина на Дальнем Востоке была создана Еврейская национальная область, куда было вывезено несколько тысяч евреев.

После смерти Сталина часть их вернулась в места первоначального проживания. Те, кто остался, через смешанные браки слились с местным русским и китайским населением. В результате возникла уникальная субкультура, соединившая иудейские, православные и даосско-тантристские религиозно-мифологические представления и обычаи.

Это соединение столь различных по своим установкам религиозных парадигм породило культ «*святых лис*», защищающих человека в самых разнообразных ситуациях, и оригинальную систему «домашних» праздников.

At the end of the 1920s, following Stalin's decree, the Jewish Autonomous Oblast was established in the Russian Far East and thousands of Jews were deported there.

After Stalin's death some of them returned to their original places of residence. Those who stayed merged with the local Russian and Chinese population through mixed marriages. This gave birth to a unique subculture that involved Judaic, Orthodox, Taoist and Tantric mythological and religious beliefs and customs.

This combination of diverse religious paradigms resulted in the origin of *the cult of the Sacred Foxes* which protected people in various circumstances, as well as in extraordinary family holidays.

神	שועלים קדושים
狐	СВЯТЫЕ ЛИСЫ
狸	

Лиса Семь Свешников-
покровительница беременных и сомневающихся

Лиса Небесное зеркальце
защитница заблудившихся в сумерках

Лис Аметистовый Мертатель
покровитель уборщиц и официантов

Лиса Синяя Сутра-
заступница самоубийц

Лис Иван Иванович-
ночной сторож жилищ

Лиса Девять Сяний-
помошница при желудочных недомоганиях

Лиса Священная война-
покровительница женского обаяния

Лиса Холодный ужин-
защитница колеблющихся на море

Лиса Влажная дурка-
покровительница художников и поэтов

Лиса Два кубшина-
покровительница монашеской эротики

Лис Два монора-
охранитель мужской потенции

Лис Гороуи-
спутник уходящих в Сады Бесконечностей

- 27 *The Seven Menorah Fox*
Patron of Pregnant and Those in Doubt
- 28 *The Celestial Mirror Fox*
Patron of Those Who Got Lost in the Dusk
- 29 *Fox Amethystine Dreamer*
Patron of the Cleaners and Waiters
- 30 *Blue Sutra Fox*
Defender of the Suicides
- 31 *Fox Ivan Ivanych*
Night Watchman of Dwellings
- 32 *Fox Nine Shines*
Helper in Stomach Discomfort
- 33 *Fox Holy War*
Patron of Feminine Charm
- 34 *Fox Cold Supper*
Defender of Those Wavering on Sea
- 35 *Fox Wet Hole*
Patroness of Artists and Poets
- 36 *Fox Two Jugs*
Patroness of Conventual Erotica
- 37 *Fox Two Axes*
Defender of Male Potency
- 38 *Hunchback Fox*
Companion of Those Going to the Eternity Gardens

節 日	חגים
	ПРАЗДНИКИ

В силу специфики советских условий, исключавших нормальное отправление культа, вся религиозная жизнь проходила не в храме или синагоге, которых, как и священников, просто не существовало, а дома в семье.

Поэтому наряду с официальными советскими праздниками 1 Мая, 7 Ноября, Днем Победы, общегражданским Новым годом, наряду с православной Пасхой, Троицей, Рождеством и с главными еврейскими праздниками, такими как Ханука, Пейсах, Суккот и Ём Кипур, в семьях отмечались и совсем другие праздники.

Культ «святых лис» дал повод местным жителям называть переселенцев *Лисопоклонниками* или *Лисомилами*. Себя же они называют *Эладим Ананим* — Дети́ми Облаков. Образ облака стал центральным в «метафизике мимолетности», определившей всю «домашнюю» религиозную жизнь.

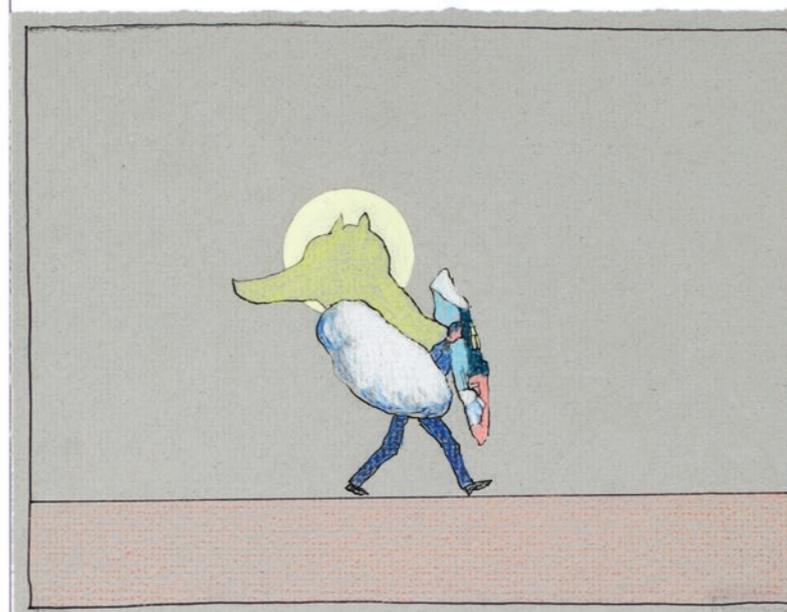
As the Soviet Regime eliminated normal religious activities, all of them were held neither in the church nor the synagogue — as like priests, they have not existed — but in one's home and family.

Along with official Soviet holidays — May 1, November 7, Victory Day, The New Year Celebration, along with Orthodox Easter, Trinity, Christmas and major Jewish holidays like Hanukkah, Passover, Sukkot and Yom Kippur, very different feasts were celebrated in families.

The cult of the Sacred Foxes allowed locals to call the settlers “*The Admirers of Foxes*” or “*Fox Lovers*”. But they called themselves *Eladim Ananim*, or “*The Children of the Clouds*”. Clouds have major significance in the “metaphysics of transience” which determined the religious family life.

3 января

חג העוננים

白雲節

Праздник Облаков

По преданию, когда первые переселенцы вышли из поезда на станции Тихонькая, на них снизошло облако.

Одновременно этот торжественный день отмечается и как Праздник Всех Святых Лис.

За вечерним праздничным ужином помимо Библии и Сутры Страхов и Сомнений читают Лисичку-сестричку, Рейнеке Лиса и Алису в стране чудес.

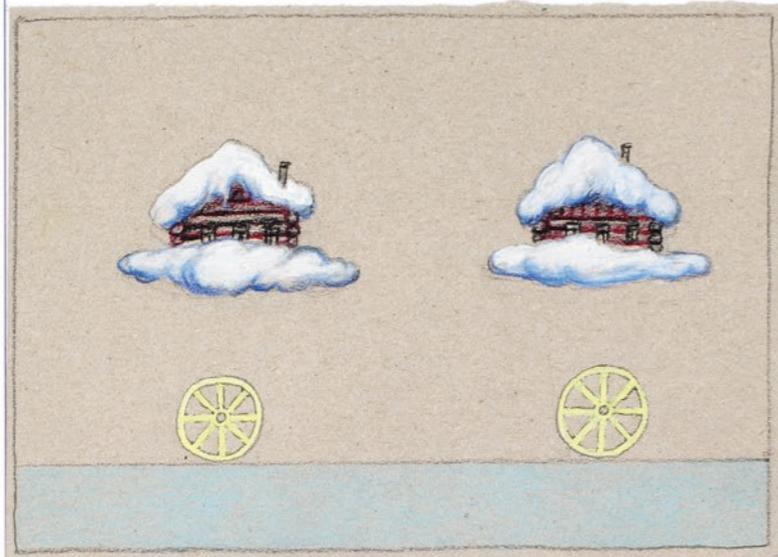
Ритуальная еда:

луковый суп с мацой,
мясные фрикадельки с чесноком и гречневой кашей,
пирог с яблоками.

14 января

חג הבקתות המושלגות

白雪蓋房節

Праздник Избушек занесенных снегом

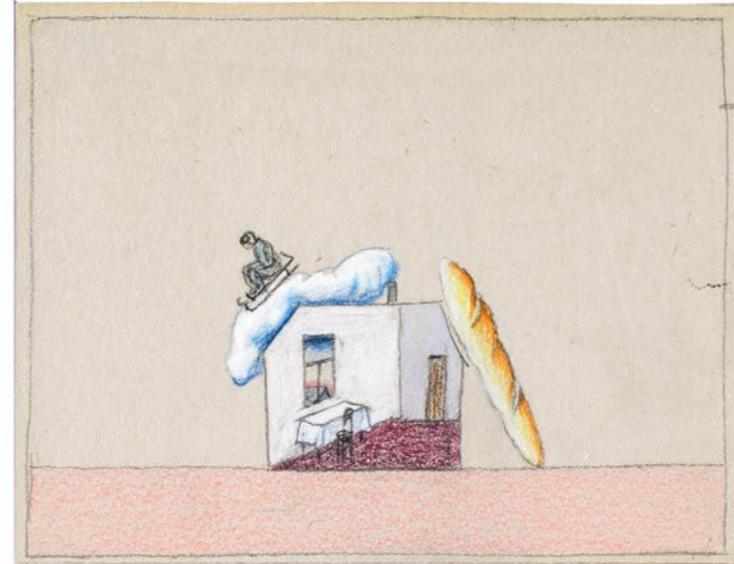
Праздник напоминает о тяжелых испытаниях выпавших на долю первых переселенцев в суровой дальневосточной тайге. В этот день каждая семья строит в комнате Избушку. Сугробы и снежные заносы делают из снежной ваты. Когда Избушка готова, все выходят на улицу, играют в снежки, в салочки, валяются в снегу. Раскрасневшиеся после мороза возвращаются домой, залезают в избушку и ужинают со свечами и колокольчиками.

Ритуальная еда:
 винегрет, фаршмак, куриный бульон с клецками, фаршированная рыба.

21 февраля

חג הנגיעות

接觸節

Праздник Прикосновения

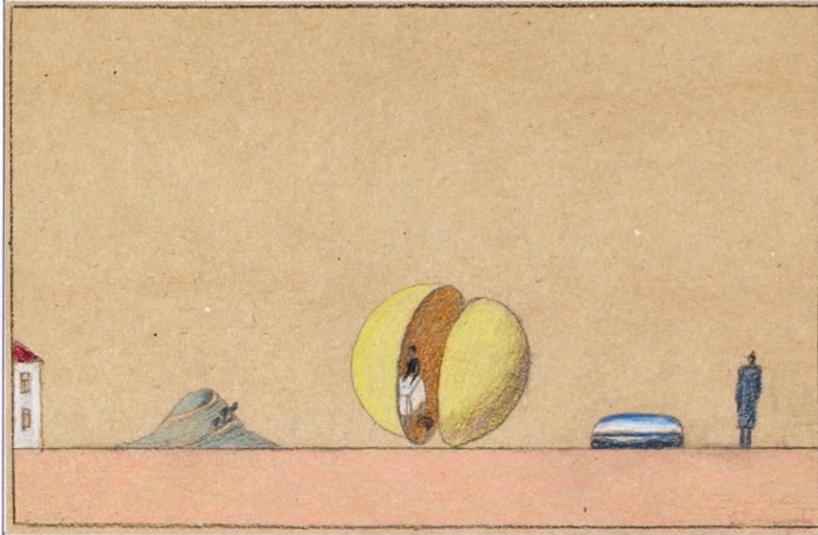
Накануне делается генеральная уборка помещений. В праздничный вечер, когда небо озаряется звездами, все взрослые и дети с санками идут на горки. Считается, что катание на санках небесный дар богов, что спускаясь на санках с горы человек прикасается к богам.

Ритуальная еда:
 Пироги с капустой, кисло-сладкая баранина, мандарины и шоколад.

6 апреля

חג היחיד והנכפל

一
生
二
節

Праздник Единого и Раздвоенного

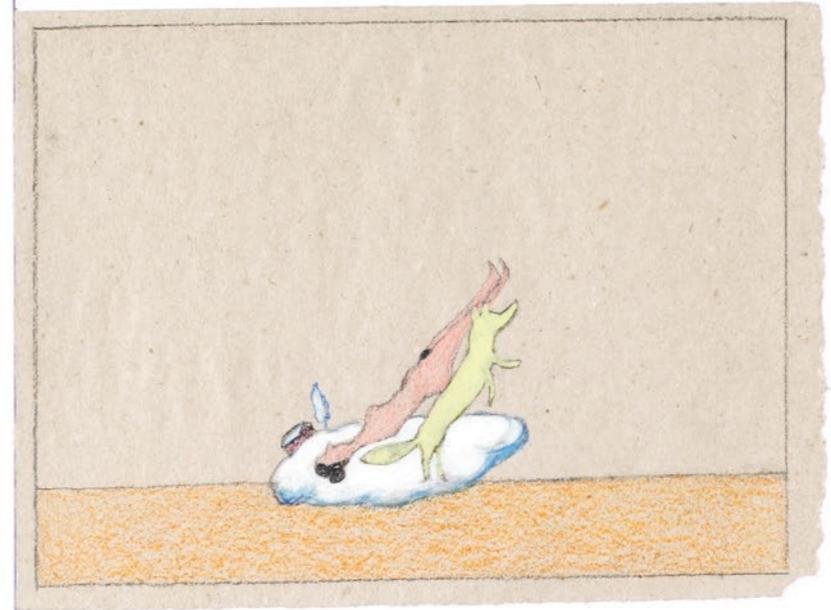
В этот день прославляется обрезаение, как знак будущего восстановления полноты бытия.
Ритуальный символ праздника разрезанный пополам желток яйца.

Еда:
Острый суп с фасолью и яйцом, сырая рыба с пряностями, лапшой, бананами и простоквашей.

2 мая

חג השועלים הצוחקים

笑
狐
狸
節

Праздник Снеющихся лис

Праздник сопровождается чтением из священной книги «Любовные истории девушек и лис».
Считается, что этот день наиболее счастливый для потери невинности.
На столах, буфетах, подоконниках расставляются ликеры и настойки, миски со сладкими орехами, сушеными фруктами и танг ху-лу, пекут кихелах и земелах.

16 мая

חג ג'יון פו

中孚節

Праздник Чжун-Фу

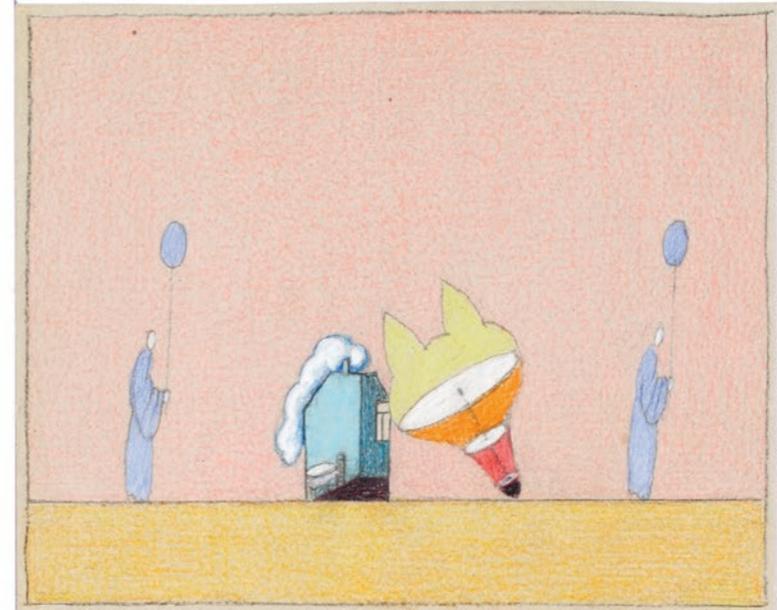
Чжун-фу означает внутреннюю правду, внутреннее видение. Поэтому этот день проводится в абсолютно темной комнате или с завязанными глазами.

Ритуальная еда:
картофельные блины с петрушкой и черносливом
Алкогольные напитки запрещены.

11 июня

חג הריחוף

飄揚節

Праздник Вознесения

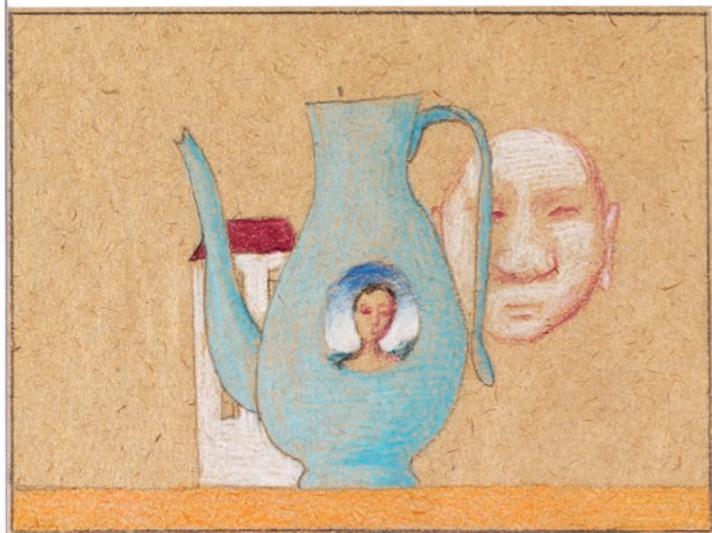
Праздник связан с легендой о двух монахах купивших на рынке два синих воздушных шарика и улетевших в Сады Небесного Блаженства.

Ритуальная еда:
Баклажаны в синем соусе, синие сливы фаршированные кальмарами, кисель из голубики.

Секс: нежные поглаживания чувствительных мест мягкими кисточками до достижения оргазма

28 июня

חג הקנקן

瓷
壺
節

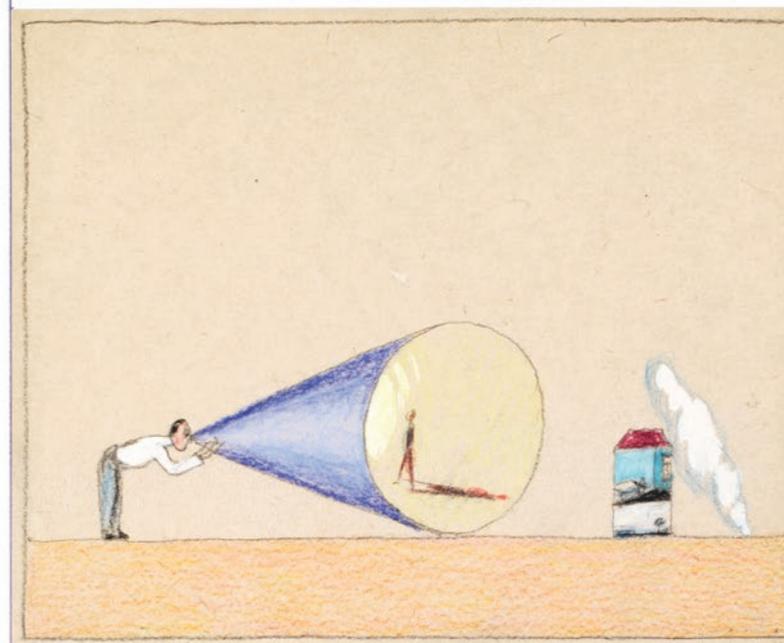
Праздник Кувшинов

Кувшин, также как облако, один из важнейших символов метафизики мимолетности.
 Как бы не был прекрасен кувшин, он всего лишь форма, внутри которой пустота.
 Как бы ни казался он прочен, он хрупок и в любой момент может превратиться в груды черепков.

Праздник отмечается продолжительными ритуальными чаепитиями, сопровождающимися разговорами о цветах, людях, животных и о наементах изображенных на тарелках, блюдах, чашках и кувшинах.

18 августа

חג המתת החסד

安
樂
死
節

Праздник Атаназии

В этот день все желающие могут добровольно уйти из жизни.

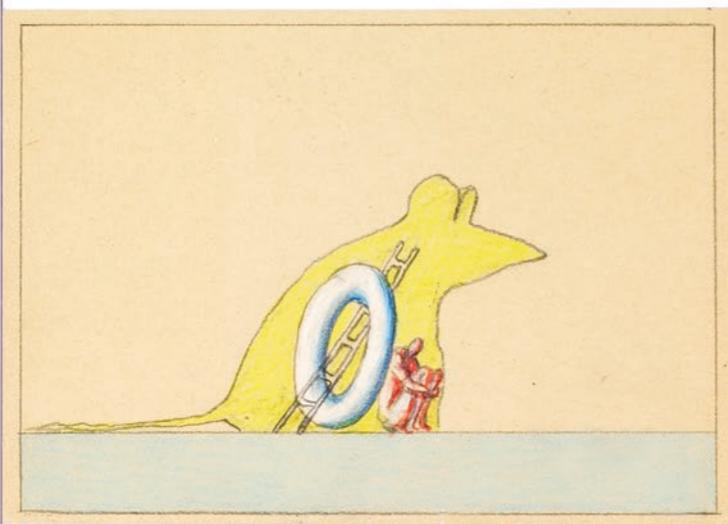
Ритуальная еда:
 Утка фаршированная шкварками, лимоном и рябиной.
 Крепкие напитки.

Рекомендуется медленный продолжительный секс под медитативную музыку.

2 סעפּטעמבער

חג השחרור מן הפחד ומן הספק

解除
惶恐
惑節

Праздник Избавления от Страхов и Сомнений

Древняя легенда гласит, что Желтая мышь явилась в наш мир из Сияюи цего Загробного царства и принесла оттуда людям священную «Сутру избавления от страхов и сомнений». В этот день всюду вывешивают желтые флаги, детям дарят желтых мышек.

Ритуал предписывает в этот день употреблять продукты желтого цвета – лимоны, груши, желтые перцы и т.п. Мясные и куриные блюда подаются в имбирном соусе.

30 סעפּטעמבער

חג הכיסויים הלבנים

白
套
節

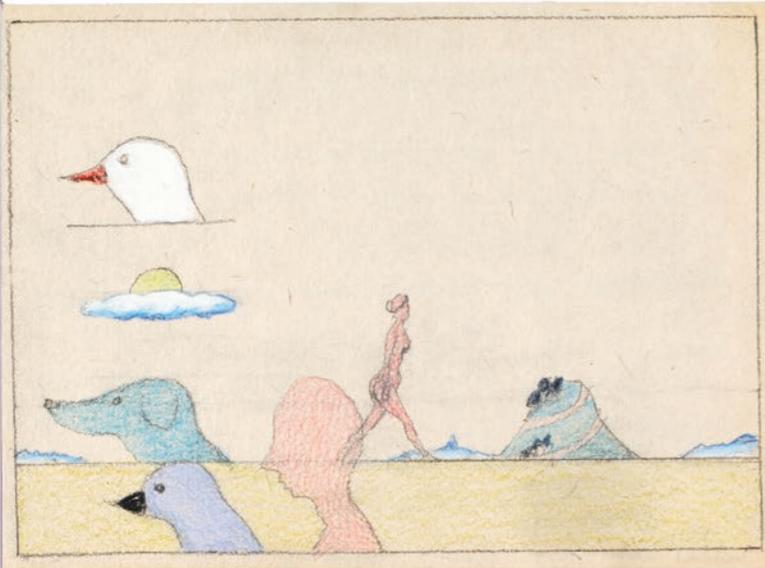
Праздник Белых покрывал

В этот день мебель в доме и зеркала покрываются белыми покрывалами. Это день поминовения умерших родителей и друзей. Целый день проводится в глубоком молчании. С утра до вечера постятся, разрешается только пить. В семь часов после семи ударов в священный гонг начинается обильный ужин с вином, во время которого вспоминают смешные истории из жизни умерших, радуются и веселятся.

Ритуальная еда:
*уха из разных видов рыб с мацой и маслинами,
рис с крабами и изюмом,
морс из банановых побегов.*

28 декабрь

חג הרגעיות החולפת

無常節

Праздник Мимолетности

Этим праздником отмечается конец Старого и приход Нового года. Ритуалы и тональность праздника исходят из учения об облачности и мимолетности всего Сущего. Мимолетность отождествляется с перелетными птицами, бродячими собаками и женщинами легкого поведения. Для птиц и собак в этот день строятся и украшаются лентами и цветами кормушки. Девушек и женщин из увеселительных заведений приглашают в семьи, богато их угощают и дарят им нарядные платья.

January 3

The Day of the Clouds

According to the Legend, when first settlers went out of the train on the Tikhonkaya Station, a cloud descended on them. At the same time, this holiday was also celebrated as the Day of All Saint Foxes. During the evening dinner, The Bible and the Sutra of Fears and Doubts are read out, as well as *Tales of the Sister Fox*, *Reineke Fox* and *Alice in Wonderland*.

Ritual meal: onion soup with matzah, meatballs with garlic and buckwheat porridge, apple pie.

January 14

The Day of the Snowy Cottages

This holiday reminds of the hardships befallen on the first settlers in the severe Far Eastern taiga. On this day, every family builds a cottage in the room. Snowdrifts are made from snow cotton wool. When the cottage is ready, everyone gets outside and plays snowballs or tag, and rolls in the snow. Reddened of frost, everyone sits inside the cottage and has dinner with candles and bells.

Ritual meal: vinaigrette, forshmak, chicken broth with dumplings, stuffed fish.

February 21

The Day of the Touch

On the day before, clear-out cleaning takes place. On the festive night when stars shine in the sky, all adults and children ride the sledges down the hills. It is believed that riding the sledges is a divine gift of the gods and by going down the hill man touches the gods.

Ritual meal: Cabbage pies, sweet-sour lamb, tangerines, chocolate.

April 6

The Feast of the Single and the Dualized

On this day, circumcision is celebrated as a sign of future restoration of completeness of the existence. The ritual symbol of this holiday is an egg yolk cut in halves.

The meal: Spicy soup with beans and egg, raw fish with herbs, noodles, bananas and curdled milk.

May 2

The Day of the Laughing Foxes

This holiday is celebrated by reading the sacred book of *Love Stories of Girls and Foxes*. There is a belief that this is the best day to lose virginity. On all tables, sideboards and window-sills there are liquors, bowls with sweet nuts, dried fruits and tanghulu, kichelach and zemelakh cookies.

May 16

Zhōng fū Feast

Zhōng fū means the inner truth, the inner vision. This is why this day is spent in total darkness or with eyes tied.

Ritual meal: potato pancakes with parsley and dried plums. Spirits are forbidden.

June 11

The Day of the Ascension

This holiday originates in a legend about two monks who bought two blue balloons at the market and flew to the Gardens of Heaven Bliss.

Ritual meal: eggplants in blue sauce, blue plums stuffed with calamari, blueberry kissel juice.

Sex: gentle effleurance of sensitive parts of the body with soft brushes until orgasm is reached.

June 28

The Feast of Jugs

Just like clouds, the jug is one of the most important symbols of the metaphysics of transiency. No matter how beautiful the jug is, it's always empty inside. No matter how firm it looks, it's fragile and can turn into broken pieces in a moment.

This holiday is celebrated with continuous ritual tea-drinking with conversations about flowers, people, animals, and ornaments on dishes, saucers, cups and jugs.

August 18

The Feast of Euthanasia

On this day anyone is free to depart this life.

Ritual meal: duck stuffed with pork rinds, lemon and ashberry. Hard liquors.

Slow and long sex to the music is recommended.

September 2

The Feast of Deliverance from Fear and Doubt

The old legend says that the Yellow Mouse has come to our world from the Shining Underworld and has brought the *Sutra of Deliverance from Fear and Doubt* to people. On this day, yellow flags are hung everywhere and kids are given yellow mice as presents.

According to the ritual, this day is good for food of yellow color: lemons, pears, yellow peppers, etc. Meat and chicken dishes are served in ginger sauce.

October 30

The Feast of the White Coverlets

On this day, furniture and mirrors are covered with white coverlets. This is the day when the deceased friends and family members are remembered. The whole day is spent in deep silence. From morning to evening people fast, it's allowed to drink only.

At 7 p.m. after seven strokes on the sacred gong, a plentiful dinner is served with wine, and while eating, family members remember funny stories about their deceased friends in joy and fun.

Ritual meal: fish soup from different types of fish with matzah and olives, rise with crabs and raisins. Fruit drinks from banana sprouts.

December 28

The Day of Transiency

This feast marks the end of the old year and the beginning of the New Year. The rituals and mood of the holiday comes from the teaching of the cloudiness and transiency of everything that exists. Transiency is associated with migrant birds, stray dogs and ladies of easy virtue.

On this day, feeding-racks for dogs and birds are built and decorated with ribbons and flowers. Call girls and women from pleasure institutions are invited to families, treated with meals and presented with elegant dresses.

СУТРА СТРАХОВ И СОМНЕНИЙ. 2006

Тушь, белила, акварель на цветной бумаге

SUTRA OF DOUBTS AND FEARS. 2006

Indian ink, whitewash, watercolor on colored paper

Старик из серебра
Кусает грушу золотую.
Седьмое небо в облаках.

На дереве спит мертвый человек,
Лиса считает бриллианты —
Все будет хорошо

Одна нога шагает в подземелье.
Пять пальцев на руке.
Пять воинов небесных.

פחד

- 171. Страх тропинки в дремучем лесу
- 172. Страх пауков
- 173. Страх маленьких усатых жуков
- 174. Страх волосатого женского лона
- 175. Страх острого красного глина
- 176. Страх клюквы
- 177. Страх белых ногей
- 178. Страх шуршания белых страниц
- 179. Страх брагов и банищи
- 180. Страх женских сосков
- 181. Страх от запаха грядных носков
- 182. Страх темноты
- 183. И страх теплоты

рис. 23

- 184. Страх вопросов
- 185. И страх ответов
- 186. Страх заклеенных белых конвертов
- 187. Страх вечерних огней
- 188. Страх вечерних теней
- 189. Страх оправленной воды
- 190. Страх грядущей бедн
- 191. Страх нежных прикосновений
- 192. Страх нежных дуновений
- 193. Страх тонких запутанных линий
- 194. Страх от запаха пиний
- 195. Страх леттоген
- 196. И страх щелочек

Нужные и раскрытые страхи.

рис. 24

- 70. Смысл в Христе
- 71. Смысл в Будде
- 72. Смысл во всех мифах и легендах
- 73. Смысл в существовании какой-либо правды
- 74. Смысл в Боге
- 75. Смысл в отсутствии Бога
- 76. Смысл в том, что жизнь имеет какой-либо смысл
- 77. Смысл в том, что не-жизнь имеет какой-либо смысл.

СВЯТЫМИ.
 В ПРЯТКИ С НЕЖНЫМИ
 СВАЛЕННЫХ ЛЯГУШЕК И ГРАДУ
 ПРУДОМ. ДВЕНАДЦАТЬ
 ДЕВУШКИ НАД
 ПРУДОМ.
 КЛЮЕТ ЗВЕЗДУ БЕССМЕРТНЫХ
 ДУРАКОВ.
 АЖКЕ ПТИЦА?
 ГДЕ ЖЕ ПТИЦА?
 ГДЕ ЖЕ ПТИЦА?
 ГДЕ ЖЕ ПТИЦА?

Гнездо в столовой ложке.
 Где же птица?
 Клюет звезду бессмертных дураков.

 Летают девушки над прудом.
 Двенадцать солнечных лягушек
 Играют в прятки с нежными святыми.

 Босой великий кролик
 Полощет ноги в трех блаженствах.
 В четвертом плещется сова.

Государственный

МУЗЕЙ
ВОСТОКА

Виктор Пивоваров
ЛИСЫ И ПРАЗДНИКИ

Viktor Pivovarov
FOXES AND FEASTS

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«АКЦИОНЕРНАЯ КОМПАНИЯ
ПО ТРАНСПОРТУ НЕФТИ «ТРАНСНЕФТЬ»

Changes for the Better

Подписано в печать 13.05.2015
Печать офсетная. Тираж ??? экз.
Типография ООО «Вива-Стар»